

— Крестьяне беспокоятся об урожае, торговцы опасаются потерь товаров, а даже ничего не понимающий глупец, идя по дороге, боится, что его ударят. У человека без долгосрочных забот обязательно есть краткосрочные. Как может быть человек без забот? Те, кто завидует простым людям, живущим от рассвета до заката, наверняка никогда не испытывали тягот земледелия, а те, кто завидует глупцам, живущим в неведении, наверняка умны. — Мо Ли говорил с бесстрастным лицом, предупреждая Мэн Ци. — Если хочешь похвастаться, говори прямо, не нужно так вилать.

Мэн Ци онемел.

Он действительно всегда считал себя особенным, не таким, как обычные люди, но в этот раз он вовсе не хотел хвастаться своим умом. Может, лекарь что-то не так понял?

Нужно ли объяснять?

Мэн Ци задумался, но вдруг осознал, что это было намеренно — чтобы он перестал копаться в себе.

Мэн Ци расслабился, его взгляд на Мо Ли стал ещё глубже. Он подумал, как же он мог встретить такого человека только сейчас?

Мо Ли взял глиняный горшок с очага. Лекарство ещё не было готово, но уже чувствовался сильный горький запах.

Горшок был очень горячим, но Мо Ли не обращал на это внимания.

— Если лекарь не против, я могу помочь, — предложил Мэн Ци, протягивая руку, чтобы взять горшок.

Мо Ли сомневался, глядя на дупло:

— Ты не знаешь, сколько времени нужно для приготовления. Я пойду в другое место, найду дрова и закончу варку. Чем скорее Линь Доу выздоровеет, тем быстрее он сможет уехать с Хуцзы из Городка Лазурного озера.

Мэн Ци подумал и согласился остаться, чтобы присмотреть, пока Мо Ли не вернётся.

Хуцзы, увидев, что добрый лекарь ушёл, тихо отодвинулся подальше от Мэн Ци.

— Боишься меня? — поднял бровь Мэн Ци.

Хуцзы втянул голову в плечи, не стал оправдываться и честно кивнул.

Мэн Ци прищурился, поняв, что ребёнок умён и умеет читать людей.

Потомок знатного рода, вынужденный скрываться, не проявлял высокомерия, а наоборот, умел понимать настроение окружающих. О чём это говорило?

Жизнь этого ребёнка была нелёгкой. Хотя его защитники и слуги делали всё возможное, чтобы оберегать его, они не относились к нему с уважением как к высшему. Они защищали лишь «кровь наследного принца Чжаохуа».

Поэтому Линь Доу не сказал Хуцзы правду, ограничивал его, не позволял общаться с посторонними и не разрешал принимать еду от чужих. Линь Доу и другие жертвовали своими жизнями, чтобы защитить ребёнка, а тот должен был «вести себя правильно», чтобы выжить. По сути, они выполняли одну и ту же задачу.

Разница была в том, что Линь Доу делал это добровольно, а у Хуцзы не было выбора.

— Ты умеешь разводить огонь и готовить на очаге, — Мэн Ци внимательно смотрел на ребёнка, размышляя вслух. — Интересно, действительно интересно.

Хуцзы не понимал, о чём он говорил, и только спрятался в угол.

Ребёнок потрогал мурашки на руке, опустил голову и подумал, что этот человек красив, но и страшен. Когда он смотрел на него, казалось, будто к горлу приставили нож, всё тело холодело, словно он был раздет, и все секреты оказались на виду.

Чем больше Хуцзы боялся, тем больше Мэн Ци увлекался. Он вдруг понял, что дразнить ребёнка — хороший способ скоротать время.

— Скажи, о чём ты сейчас думаешь?

— ...

— Не говорить или не говорить правду — ты хочешь попробовать последствия? — Мэн Ци прямо пригрозил, не чувствуя вины за то, что запугивает ребёнка.

Хуцзы замотал головой и тихо сказал:

— Я думаю, когда вернётся лекарь.

Не то чтобы он хотел, чтобы лекарство для дяди Линь скорее приготовилось, а просто с лекарем рядом этот человек будет сдержаннее.

Мэн Ци сразу понял мысли ребёнка и усмехнулся:

— Хорошо, лекарь — хороший человек, и он может меня контролировать. Но, к сожалению, он пока не вернётся. Продолжай, не пытайся увильнуть, я жду.

Хуцзы смутился, невольно прислонился к дереву и еле слышно произнёс:

— ...Я думаю, что вы и есть тот самый государственный наставник Мэн, о котором говорил дядя Линь.

— О?

— ...Вы просто боитесь неприятностей и не хотите брать на себя мои проблемы. — Хуцзы опустил голову и повторил:

— Я знаю, что я проблема. Дядя Линь всегда мной недоволен, я всё делаю неправильно.

Мэн Ци не подтвердил и не опроверг:

— Что ещё?

Хуцзы задумался, а затем снял с шеи нефритовый кулон и протянул его Мэн Ци.

— Эта вещь, если останется со мной, всегда будет приносить мне и дяде Линь проблемы.

Мэн Ци был удивлён. Он думал, что ребёнок просто пытается удержать его, используя эту уловку.

Хуцзы, держа кулон, тихо сказал:

— Дядя Линь говорил во сне, что хочет, чтобы я стал великим человеком, но я не могу запоминать стихи и не умею владеть оружием...

Мэн Ци не дал ему закончить, поднял его и зашёл в дупло.

Линь Доу лежал на кровати, погружённый в отчаяние, но, увидев, что Мэн Ци привёл Хуцзы, его глаза загорелись.

— Ты понимаешь, какую глупость совершил? — Мэн Ци не дал Линь Доу сказать ни слова, обрушив на него град упреков.

Линь Доу сначала был в замешательстве, но потом, поняв, что его дымоход чуть не взорвал дупло, его лицо исказилось от ужаса, и он весь затрясся.

Мэн Ци не стал щадить его и продолжил:

— Ты не знаешь, кто я, но уже готов доверить мне ребёнка? Даже если я тот самый государственный наставник Мэн из прежней династии, разве я обязательно буду защищать этого ребёнка? Ты знаешь, как ты выглядел, когда сказал, что скоро умрёшь? Ты выглядел так, будто сбросил тяжёлый груз, и это было настолько очевидно, что даже ребёнок это понял!

Линь Доу с удивлением посмотрел на Хуцзы, но мальчик молчал, сжав губы.

Мэн Ци усмехнулся:

— Это ещё не всё. Вы хотите сохранить кровь наследного принца Чжаохуа, но почему не избавились от этого кулона? Время сейчас смутное, повсюду восстания, и нынешнее правительство не контролирует народ так строго. Если бы вы действительно хотели скрыться, разве вас бы так часто находили, и в итоге остался бы только ты? Вы, должно быть, пытались связаться с бывшими союзниками прежней династии, искали возможность восстановить государство?

Линь Доу инстинктивно возразил:

— Я давно оставил эти мысли. Я просто хочу защитить Хуцзы, чтобы он вырос в спокойствии.

— Это видно. Иначе он не умел бы разводить огонь и готовить на очаге, как обычный ребёнок. Но, несмотря на это, ты всё ещё не можешь отпустить, доверяя мне Хуцзы. Ты сбрасываешь не просто проблемного потомка прежней династии, а идею восстановления государства.

Мэн Ци сложил руки за спиной и безжалостно разоблачил Линь Доу:

— Ты действительно хочешь отказаться, но боишься, что после смерти не сможешь смотреть в глаза другим... Думаю, может быть, твоему отцу, может быть, твоим соратникам, а может, даже наследному принцу Чжаохуа.

Линь Доу не мог говорить, лишь через некоторое время с трудом поднялся и с болью произнёс:

— Государственный наставник, всё, что вы сказали, я знаю. Но они все погибли, и перед смертью возложили надежды на меня. Почему именно я остался в живых? Если бы это не касалось меня, я тоже мог бы говорить красивые слова!

— Что, ты ещё не согласен? — Мэн Ци усмехнулся и саркастически заметил:

— Династия Ци контролирует только север, а на юге несколько князей разделили территорию, и все они — потомки прежней династии, земли династии Чу ещё не полностью захвачены. Почему именно ты и этот ребёнок должны заниматься восстановлением государства?

Линь Доу покачал головой и с трудом сказал:

— Те князья в Цзяннани не представляют угрозы. Они сами, борясь за право на трон, уже перебили друг друга.

Мэн Ци хлопнул в ладоши и засмеялся:

— Да? Но вы все одного поля ягоды, любите говорить о законности. Теперь у тебя есть законный наследник. Предположим, у тебя есть сотысячная армия и одна провинция, и ты провозглашаешь этого ребёнка правителем. И что потом? Все подчинятся, князья признают его истинным Сыном Неба?

— ...

— Так какая польза от законности? — Мэн Ци с безразличным видом махнул рукавом. — Если у тебя есть способности, а у ребёнка — талант, то начинай с нуля, борись за власть, сражайся за трон. Если не можешь, то живи под чужим именем, расти ребёнка, пусть он создаст семью и продолжит род. Разве не это должно быть главным для тех, кто верит в законность крови?

Закончив, Мэн Ци не стал ждать реакции Линь Доу и вышел из дупла.

Мо Ли стоял снаружи, держа глиняный горшок, и они столкнулись.

— ...Государственный наставник, какой вы величественный, — тихо произнёс лекарь Мо.

— Э-э, мне просто жалко ребёнка, — прямо сказал Мэн Ци, но его взгляд блуждал в сторону.

<http://bllate.org/book/15299/1351804>